

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(**Н И У « Б е л Г У »**)

ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ НИУ «БелГУ»
КАФЕДРА УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

**ФИЗИЧЕСКОЕ ИЛИ ПСИХИЧЕСКОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ КАК
ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ИСКЛЮЧАЮЩЕЕ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ
В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ**

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ
обучающегося по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция
Магистерская программа «Уголовное право, криминология,
уголовно-исполнительное право»
заочной формы обучения, группы 01001561
Перчексклеева Александра Юрьевича

Научный руководитель:
Доцент кафедры уголовного права и
процесса Юридического института
НИУ «БелГУ»,
канд. юрид. наук, доцент
Степанюк Андрей Вячеславович

Рецензент:
Адвокат адвокатского кабинета
«Скрынников М.И.»
Скрынников Максим Иванович

БЕЛГОРОД - 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	С.3
Глава 1. Понятие физического или психического принуждения как обстоятельства, исключающего преступность деяния, и критерии правомерности вреда, причиненного под принуждением.....	С.10
§ 1.1. Понятие физического или психического принуждения как обстоятельства, исключающего преступность деяния.....	С.10
§ 1.2. Критерии правомерности вреда, причиненного под влиянием физического или психического принуждения.....	С.15
Глава 2. Анализ использования положений статьи 40 УК РФ в судебной практике и регламентации физического или психического принуждения в уголовном законодательстве стран – бывших республик СССР.....	С.32
§ 2.1. Анализ использования положений статьи 40 УК РФ в судебной практике.....	С.32
§ 2.2. Анализ регламентации физического или психического принуждения в уголовном законодательстве стран – бывших республик СССР.....	С.53
Заключение.....	С.59
Список использованной литературы.....	С.62

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы магистерского исследования. Важное значение в процессе осуществления правоохранительной деятельности принадлежит обстоятельствам, исключающим преступность деяния.

Институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, является традиционным для российского уголовного права. Однако, следует отметить, что ранее законодательство предусматривало достаточно узкий круг указанных обстоятельств – необходимую оборону и крайнюю необходимость. Поэтому, хотя в науке уголовного права всегда уделялось пристальное внимание институту обстоятельств, исключающих преступность деяния, на протяжении длительного периода времени детально исследовались только указанные понятия.

Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ существенно изменил данную ситуацию расширив перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния, включив в него помимо необходимой обороны и крайней необходимости причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление; физическое или психическое принуждение; обоснованный риск; исполнение приказа или распоряжения.

Физическое или психическое принуждение (статья 40 УК РФ) являясь новым уголовно-правовым понятием и это неизбежно приводит к возникновению проблемных вопросов, прежде всего, в правоохранительной деятельности. Затруднения возникают при определении того имело ли место физическое или психическое принуждение, а если имело, то являлось ли оно обстоятельством, исключающим преступность деяния, либо обстоятельством смягчающим наказание (пп.«е» части первой статьи 61 УК РФ).

Подобная ситуация обусловлена отсутствием каких-либо разъяснений со стороны Пленума Верховного Суда РФ. Поэтому существенная роль в

разрешении вопросов, возникающих в правоохранительной деятельности, принадлежит науке уголовного права.

В связи с этой темой магистерского исследования представляется своевременной и актуальной.

Объектом магистерского исследования являются общественные отношения складывающиеся при использовании категории физического или психического принуждения как обстоятельства, исключающего преступность деяния.

Предмет магистерского исследования составляют положения российского уголовного законодательства, а также законодательства государств – бывших республик СССР, посвященные физическому или психическому как обстоятельству, исключающему преступность деяния; материалы судебной практики, посвященные вопросам применения статьи 40 УК РФ; положения теории российского уголовного права, посвященные проблематике физического или психического принуждения как обстоятельства, исключающего преступность деяния.

Цель магистерского исследования – исследование уголовно-правовой категории физического или психического принуждения как обстоятельства, исключающего преступность деяния.

Для достижения цели магистерского исследования предполагается решение следующих **задач**:

- ✓ рассмотреть понятие физического или психического принуждения как обстоятельства, исключающего преступность деяния;
- ✓ рассмотреть критерии правомерности вреда, причиненного под принуждением;
- ✓ рассмотреть тенденции использования положений статьи 40 УК РФ в судебной практике

✓ проанализировать вопрос о регламентации физического или психического принуждения в уголовном законодательстве стран – бывших республик СССР.

Критический анализ научной литературы по теме магистерского исследования. В науке уголовного права проблематике физического или психического принуждения были посвящены научные исследования в которых предпринимались попытки сформулировать определение физического или психического принуждения (Веселов Е.Г., Калугин В.В., Орешкина Т.Ю.), определить критерии правомерности причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам в результате применения физического или психического принуждения (Капинус О.С., Савинов А.В.). Вместе с тем, как правило не уделяется внимания вопросам использования статьи 40 УК РФ в правоприменительной деятельности. Кроме этого, недостаточно исследован вопрос о регламентации физического или психического принуждения как обстоятельства, исключающего преступность деяния, в зарубежном законодательстве.

Научная новизна магистерского исследования заключается в том, что автором был проведен анализ материалов опубликованной судебной практики по вопросам применения статьи 40 Уголовного кодекса РФ; проведен сравнительный анализ уголовного законодательства стран постсоветского пространства по вопросу об отнесении физического или психического принуждения к числу обстоятельств, исключающих преступность деяния

Теоретическая и практическая значимость магистерского исследования заключается в возможности использования ее результатов проведении научных исследований в сфере обстоятельств, исключающих преступность деяния, при осуществлении преподавания уголовного права, при решении вопроса о возбуждении уголовного дела, при осуществлении предварительного расследования, при рассмотрении уголовного дела судом в целях реше-

ния вопроса о наличии либо отсутствии условий правомерности причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам в результате применения физического или психического принуждения.

Положения, выносимые на защиту:

1) Сформулировано определение понятия физического или психического принуждения как обстоятельства, исключающего преступность деяния. Так, физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния, как насильственное воздействие насильственного характера на лицо, которое имеет своей непосредственной целью совершение указанным лицом деяния, содержащего признаки состава преступления вопреки его воле, лишая причинителя вреда свободы выбора собственного поведения.

2) Сформулированы критерии правомерности вреда, причиненного под влиянием физического или психического принуждения. К их числу относятся:

А) Общественная опасность принуждения;

Б) Наличие принуждения, которая характеризует временные рамки принуждения – от фактического начала принуждения до момента его полного прекращения;

В) Действительность (реальность) принуждения.

При этом существует проблема преодолимости и непреодолимости принуждения как критерия правомерности физического или психического принуждения. Непреодолимое принуждение может быть, как физическим, так и психическим. Установление непреодолимости принуждения исключает ответственность за причинение принуждаемым любого уголовно-значимого вреда. Психическое принуждение в ст.40 УК РФ определено только как преодолимое, и вопрос об уголовной ответственности при таком принуждении (как и при преодолимом физическом) решается по правилам правомерности

другого обстоятельства, исключающего преступность деяния, – крайней необходимости

3) Рассмотрение и анализ решений Верховного Суда РФ показывает, что требования осужденных о применении в отношении них положений статьи 40 УК РФ являются либо совершенно надуманными, либо является элементами при построении защиты, либо основываются на неправильном понимании механизма применения положений о физическом или психическом принуждении и т.п. Таким образом можно заключить, что в правоприменительной деятельности судов Российской Федерации использование положений статьи 40 УК РФ не является распространенным. Кроме этого, как прямо отмечают некоторые региональные суды в их практике физическое или психическое принуждение как обстоятельство исключающее преступность деяния не применяется (например, Красноярский краевой суд).

4) Сравнительный анализ уголовных кодексов стран постсоветского пространства показал, что вопрос об отнесении физического или психического принуждения к числу обстоятельств, исключающих преступность деяния, решается разнонаправленно:

А) уголовные законы в которых относят физическое или психическое принуждение относится к числу обстоятельств, исключающих преступность деяния (УК РФ, Армении, Казахстана, Молдовы, Таджикистана, Туркменистана, Украины);

Б) уголовный закон в которых физическое или психическое принуждение рассматривается как специфическое проявление крайней необходимости (УК Узбекистана);

В) уголовный закон в котором фактически допускается отнесение физического или психического принуждения к числу обстоятельств, исключающих преступность деяния, поскольку перечень указанных обстоятельств является открытым (УК Грузии).

Г) уголовные законы в которых физическое или психическое принуждение не относится к числу обстоятельств, исключающих преступность деяния, а рассматривается как одно из обстоятельств, смягчающих наказание (УК Азербайджана, Беларуси, Кыргызстана). В целом аналогичный подход содержится в уголовном законодательстве прибалтийских государств (УК Латвии, Литвы, Эстонии).

Методологическую основу магистерского исследования составляет общеправовой диалектический метод познания общественных явлений в их развитии, взаимосвязи и взаимообусловленности; общенаучные методы – методы анализа и синтеза, методы дедукции и индукции; научно-правовые методы – сравнительно-правовой метод; метод изучения материалов правоприменительной практики.

Нормативную правовую основу магистерского исследования составляют Конституция Российской Федерации 1993 года, Уголовный кодекс РФ 1996 года. В целях анализа зарубежного законодательства использовались Уголовные кодексы Азербайджанской Республики 1999 года, Республики Армения 2008 года, Республики Беларусь 1999 года, Грузии 1999 года, Латвийской Республики 1998 года, Литовской Республики 2000 года, Кыргызской Республики 1997 года, Республики Казахстан 2014 года, Республики Молдова 2002 года, Республики Таджикистан 1998 года, Украины 2001 года, Республики Узбекистан 1994 года, Туркменистана 1997 года, Эстонской Республики 2001 года.

Эмпирическую основу магистерского исследования составляет постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 года № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», решения Верховного Суда РФ по конкретным уголовным делам; Обобщение Красноярского краевого суда от 22 декабря 2011 года «Обобщение практики применения су-

дами Красноярского края норм о необходимой обороне и иных обстоятельствах, исключающих преступность деяния (статьи 37 - 42 УК РФ), по делам, рассмотренным в 2009 - первом полугодии 2011 года».

Теоретическую основу магистерского исследования составляют труды таких ученых, как Веселов Е.Г., Девятковская С.В., Зарипов В.Г., Калугин В.В., Луценко Е.Г., Мизина О.В., Орешкина Т.Ю., Сердюк Л.В., Теслицкий И.В. и др.

Апробация магистерского исследования. Магистерское исследование прошло об суждение на кафедре уголовного права и процесса Юридического института НИЦ «БелГУ». По теме исследования было опубликовано две научных работы:

1) Перческлеев, А.Ю. Анализ использования положений статьи 40 УК РФ в судебной практике / А.Ю. Перческлеев // Электронный архив открытого доступа Белгородского государственного университета. - Белгород, 2017. - Режим доступа: <http://dspace.bsu.edu.ru/handle/123456789/20763>;

2) Перческлеев, А.Ю. О регламентации физического или психического принуждения в уголовном законодательстве стран - бывших республик СССР / А.Ю. Перческлеев // Электронный архив открытого доступа Белгородского государственного университета. - Белгород, 2017. - Режим доступа: <http://dspace.bsu.edu.ru/handle/123456789/20764>;

Структура магистерского исследования обусловлена ее целью и задачами и включает в себя введение, основную часть, включающую две главы, объединяющие четыре параграфа, заключение и список использованной литературы.

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ ФИЗИЧЕСКОГО ИЛИ ПСИХИЧЕСКОГО ПРИНУЖДЕНИЯ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩЕГО ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ, И КРИТЕРИИ ПРАВОМЕРНОСТИ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПОД ПРИНУЖДЕНИЕМ

§ 1.1. Понятие физического или психического принуждения как обстоятельства, исключающего преступность деяния

Понятие физического или психического принуждения. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния, является новеллой уголовного закона. Несмотря на это, в науке уже сложились определенные высказывания по данному вопросу. Вот лишь некоторые из них:

1. Принуждение – это любое воздействие на человека неблагоприятными для него факторами с целью добиться от него изменения в поведении (А.А. Тер-Акопов)¹.

2. Принуждение – это по своей сути «экстремальная ситуация», при которой лицо лишено возможности действовать (бездействовать), руководствуясь своим сознанием и волей (Р.Р. Галиакбаров)².

3. Принуждение само по себе вряд ли можно расценивать в качестве самостоятельной уголовно-правовой категории, так как по своей природе оно является либо непреодолимой силой (форс-мажорным обстоятельством), либо крайней необходимостью (В.Б. Волженкин)³.

Исходя из всего вышеизложенного, многие авторы отказывают данному обстоятельству в праве на самостоятельное существование, считая его

---

¹ Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 1997. С. 255.

² Уголовное право России. Общая часть / отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 1999. С. 295.

³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2001. С. 94.

разновидностью либо крайней необходимости, либо вообще сводя принуждение к фактору непреодолимой силы.

Но имеются и обратные примеры. В работе В.В. Калугина предложено общеуголовное понимание «принуждения» как правовой категории. При этом автор сумел разграничить такие категории, как принуждение, непреодолимая сила, экстремальная ситуация между собой, а также разграничено физическое (психическое) принуждение и крайняя необходимость¹. В исследованиях последнего времени также говорится о принуждении как об умышленном, противоправном, физическом или (и) психическом воздействии налицо, ограничивающем свободу воли принуждаемого лица. При этом принуждающий имеет цель «заставить его совершить действие (бездействие) против собственного волеизъявления и в интересах принуждающего или представляемых им лиц»².

Обратимся к толковому пониманию термина «принуждение». В русском языке глагол «принуждать» традиционно означает «приневолить, силовать, заставлять» кого-либо, а соответственно «принужденность» – это «состояние принуждаемого, неволя»³. Но и применение насилия («насилловать, насилить») означает «силовать, принуждать, нудить к чему-либо силой, не-

---

¹ См.: Калугин В. В. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключаящее преступность деяния: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 36-39.

² Кобозева Т.Ю. Принуждение как уголовно-правовая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 9. Практически вторит этому определению Е.А. Куманьева. По ее мнению, под принуждением понимается целенаправленное воздействие, совершаемое в интересах одного лица путем подавления воли другого для того, чтобы заставить его действовать (бездействовать) определенным образом. Принуждение «предполагает существование двух субъектов, один из которых выполняет активную роль (принуждает), а другой — пассивную (подвергается принуждению), что отражает как объективные, так и субъективные связи, существующие между ними: с объективной стороны принуждение представляет собой внешнее воздействие на принуждаемого, а с субъективной — всегда направлено на достижение определенной, заранее известной цели». См.: Куманьева Е.А. Принуждение в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 8.

³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М., 1998. С. 431.

волить». Соответственно, насилие – это «принуждение, неволя, нужда, силованье»¹.

Таким образом, в общепринятом смысле насилие и принуждение выступают в качестве слов-синонимов с практически одинаковой смысловой нагрузкой. Неудивительно, что многие авторы также практически отождествляют данные понятия и в уголовном праве. Изначальное нацеливание насилия на ограничение свободы выбора другого человека отмечается исследователями, причем на изучении этого свойства насилия концентрируют внимание большинство авторов². Однако физическое либо психическое насилие, применяемое к потерпевшему, может иметь следующее *формально-юридическое значение*:

а) конструктивного (конститутивного) признака основного состава преступления (например, при тех же разбое или изнасиловании, всех видах причинения вреда здоровью);

б) квалифицирующего признака состава преступления (при грабеже, вымогательстве и многих других преступлениях);

в) обстоятельства, отягчающего наказание, если таковое насилие прямо не указано в статье Особенной части УК РФ (ч. 1 ст. 63 УК РФ)³.

Наиболее общим характерным признаком насилия является то, что, применяя его к другому человеку (людям), лицо своим *собственным (непосредственным) поведением* причиняет вред объекту уголовно-правовой охраны или ставит такой объект под реальную угрозу причинения вреда. Многие насильственные преступления, составляющие единый акт поведения виновного, неразделимо выражаются как в психическом, так и в физическом насилии над личностью (изнасилование, разбой и прочие «классические»

---

¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1998. С. 468.

² Девятовская С.В. Физическое или психическое принуждение в российском уголовном законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011. С. 8.

³ Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. Ф.Р. Сундунова, И.А. Тарханова. М.: Статут, 2016. С.331.

насильственные преступления). Можно выделить следующие основные черты насилия как категории уголовного права:

- насилие представляет собой активное воздействие человека (людей) на другое лицо (лица);
- насилие является несанкционированным воздействием одного лица на другое, то есть такое воздействие совершается против волеизъявления последнего и носит принудительный характер в отношении жертвы;
- насилие является собственно и изначально самим преступным деянием, предусмотренным статьей Особенной части УК РФ (например, при убийстве, причинении вреда здоровью различной степени тяжести), либо средством (способом) совершения иного преступления¹, а также обстоятельством, влияющим на пределы ответственности и (или) наказания.

Как соотносятся между собой насилие и принуждение? Если результатом насилия является причинение психического либо физического вреда другому человеку (потерпевшему), то объективное проявление любого принуждения выглядит сложнее. Изначально насильственный характер принудительных действий по отношению к принуждаемому (он же – жертва насилия) не вызывает сомнений. Но принуждение само по себе сводится к требованию совершить принуждаемым какое-либо деяние. Виновный в принуждении – по логике ст. 40 УК РФ – насильственно принуждает другое лицо к совершению деяния, формально подпадающего под признаки преступного. И в силу факта применения к фактическому причинителю вреда психического и (или) физического насилия вред, причиненный последним, может (при соблюдении указанных в ст. 40 УК РФ) расцениваться как непроступный².

---

¹ Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве. СПб., 2001. С. 25-30.

² Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. С.139-143.

Анализ статей Особенной части УК РФ и ст. 40 УК РФ позволяет утверждать, что принуждение (физическое и психическое) как уголовно-правовая категория характеризуется следующими основными чертами:

а) оно применяется виновным несанкционированно;

б) способом принуждения являются насильственные действия виновного, носящие психический и (или) физический характер и подавляющие способность другого человека действовать по-своему усмотрению (то есть лишаящие его «свободы воли» в широком смысле этого определения);

в) целью любого принуждения (и как деяния, предусмотренного статьями Особенной части УК РФ, и как обстоятельства, исключающего преступность деяния) является совершение принуждаемым лицом какого-либо деяния¹.

Безусловно, категории «насилие» и «принуждение» имеют много сходных черт, но отождествлять их вряд ли допустимо. Отграничение одного от другого проходит по следующим основаниям: а) насилие как таковое «ограничивается» причинением того или иного вреда другому лицу (лицам), являющимся непосредственным потерпевшим от насилия; б) основной целью принуждения является не столько причинение вреда принуждаемому, сколько совершение им иного деяния².

Такая аргументация на основе этих обстоятельств позволяет говорить о несовпадающей природе таких уголовно-правовых понятий, как принуждение и насилие. В юридическом смысле насилие при принуждении можно определить, как способ принуждения другого лица к совершению им каких-либо действий (бездействия). Следовательно, принуждение в целом выступает как более обширная, составная уголовно-правовая категория, включающая

---

¹ См.: Калугин В.В. Физическое и психическое принуждение в уголовном праве. Ставрополь, 2001. С. 17.

² Блинков В.А. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в уголовном праве России. М.: Юрлитинформ, 2014. С.149-174.

в себя физическое и психическое насилие, являющееся, в свою очередь, способом заставить потерпевшего от насилия совершить какое-либо деяние.

Неотъемлемой характеристикой физического или психического принуждения как обстоятельства, исключающего преступность деяния, является наличие причинно-следственной связи между фактом насильственного принуждения (как причиной) и причинением принуждаемым вреда объекту уголовно-правовой охраны (как следствием).

Таким образом, можно сформулировать следующее определение рассматриваемого понятия. **Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния, как насильственное воздействие насильственного характера на лицо, которое имеет своей непосредственной целью совершение указанным лицом деяния, содержащего признаки состава преступления вопреки его воле, лишая причинителя вреда свободы выбора собственного поведения.**

§ 1.2. Критерии правомерности вреда, причиненного под влиянием физического или психического принуждения

Для большинства обстоятельств, исключающих преступность деяния, непосредственно в законе, либо в судебной практике, либо в научной литературе сформулированы критерии (пределы) правомерности, при которых причиненный вред не расценивается как преступный. Физическое или психическое принуждение также нуждается в обосновании критериев самого принуждения и причиненного под его воздействием общественно опасного вреда¹.

---

¹ Дорогин Д.А. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. М.: Юрлитинформ, 2013. 624с.

Принуждение (физическое или психическое) как насильственное воздействие на другого человека с целью совершения последним деяния должно обладать универсальными юридическими признаками. В литературе существует указание на то, что любое физическое или психическое принуждение должно обладать характеристиками наличности и действительности¹. Представляется, что этим юридические критерии, предъявляемые к принуждению, не ограничиваются.

Общественная опасность принуждения. Как известно, общественная опасность любого акта человеческого поведения – это его способность причинить реальный ущерб охраняемым уголовным законом интересам и отношениям.

Прежде всего определяющей характеристикой физического или психического принуждения является его насильственный характер². Физическое или психическое насилие при принуждении адресовано в первую очередь и в большинстве случаев, самому принуждаемому.

Способы физического или психического насилия при принуждении чрезвычайно разнообразны. Но, исходя из определения принуждения, можно сделать вывод о том, что насильственное действие как минимум создает угрозу законным правам и интересам самого принуждаемого – его жизни, здоровью, физической свободе, достоинству, наконец – свободе волеизъявления, то есть праву действовать по собственному усмотрению.

Если в результате насильственных действий принуждаемому причинен реальный уголовно значимый вред, то содеянное требует самостоятельной

---

¹ Орешкина Т. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключаящее преступность деяния // Уголовное право. 2000. № 1. С.34.

² Веселов Е.Г. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключаящее преступность деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. С.5; Заприпов В.Г. Физическое и психическое принуждение в уголовном праве: понятие, виды, ответственность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С.7; Кобозева Т.Ю. Принуждение как уголовно-правовая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 9.

правовой оценки как преступление (например, причинение вреда здоровью, смерти и т.п.) Однако один и тот же акт насилия может быть одновременно охарактеризован как насильственное принуждение одного лица и учинение насилия в отношении третьего лица. И в этом случае реальное причинение уголовно значимого вреда третьим лицам подлежит самостоятельной квалификации. Само управомочивающее правоотношение, право на причинение вреда объекту уголовно-правовой охраны возникает у принуждаемого при причинении им вреда – то есть совершении им общественно опасного деяния в результате принуждения.

Следовательно, общественная опасность принуждения заключается также в том, что принуждающий добивается общественно опасного результата, причинно связанного с его действиями. Именно это дает основание утверждать многим авторам о том, что принуждаемый (при соблюдении прочих условий) является «орудием» совершения преступления.

Общественная опасность принуждения выражается двояко: она может иметь «потенциальный» характер (когда принуждаемый к совершению общественно опасного деяния еще не начал его совершение) и «реализованный» характер (если принуждаемый начал совершать требуемое деяние)¹.

Общественная опасность принуждения заключается в том, что посредством физического или психического насилия принуждающий причиняет вред объекту уголовно-правовой охраны, добившись от принуждаемого совершения общественно опасного деяния².

Наличность принуждения. Под этим признаком надо понимать временные характеристики принуждения. По справедливому мнению, Т.Ю. Орешкиной, наличность принуждения предполагает продолжительность

---

¹ Блинков В.А. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния, в уголовном праве России. М.: Юрлитинформ, 2014. С.149-174.

² Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. В.П. Ревина. М.: Юстицинформ. 2016. С.228.

принуждения, его пределы во времени, совпадающие по времени с совершением деяния принуждаемым.

Начало принуждения совпадает с фактическим началом насильственных действий. Это имеет важное значение при ситуациях, когда для устрашения и более эффективного подавления воли принуждаемого принуждающий сперва применяет насилие (в любой форме) и только затем в процессе продолжающегося насилия выдвигает какое-либо требование о совершении деяния.

С другой стороны, виновный может потребовать совершения чего-либо, но, получив отказ, прибегнуть к насильственным действиям. И в этом случае «начало» принуждения совпадает с моментом реально применяемого насилия.

Надо остановиться на рассмотрении вопроса о смене видов насилия: когда психическое насилие сменяет другое и наоборот. Можно привести пример из литературы: преступники остановили автомобиль, избили водителя, а затем приказали перевезти похищенное имущество. Автор примера усматривает в данном примере ситуация физического принуждения¹; но с ним не согласна Т.Ю. Орешкина. По ее мнению, водитель находился под непреодолимым физическим принуждением только в момент избиения, а затем принуждение стало психическим (имела место угроза применения физического насилия), правда, «подкрепленным» предшествовавшим физическим насилием.

В описанном примере и физическое насилие, и последовавшее за ним насилие психическое имело единую цель – совершение принуждаемым водителем одного и того же деяния. То есть умысел принуждающих был един и преследовал достижение единой цели.

---

¹ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть/ под ред. Б.В. Здравомыслова. М., 1999. С. 311.

В свое время в литературе вполне справедливо отмечалось, что «в реальном человеческом поведении энергетические и информационные формы... сопровождают друг друга»¹. Применительно к принуждению это означает, что физическое и психическое воздействие могут не только осуществляться параллельно, но, и, будучи охваченным единым умыслом и перемежаясь во времени, образовывать единый акт принуждения. Поэтому в вышеприведенном примере как раз следует говорить о едином акте принуждения, сопровождающемся как физическим, так и психическим насилием над принуждаемым².

Вполне возможна и обратная ситуация, когда принуждающий вначале оказывает психическое, а затем и физическое давление на принуждаемого, объединенное единым умыслом: ведь того же водителя сперва могли запугивать, добиваясь от него согласия перевезти похищенное, а затем избить с этой же целью³.

Возникает вполне закономерный вопрос: если принуждение фактически носит «перемежающийся» характер, включая в себя акты физического и психического насилия, и принуждаемый совершает требуемое от него деяние – под каким именно принуждением он находится? В первую очередь надо всегда помнить о том, что первоочередной вопрос для нас – исключена ли преступность содеянного принуждаемым.

---

¹ Жордания И.Ш. Структура и правовое значение способа совершения преступления. Тбилиси, 1977. С. 102.

² Данное утверждение косвенно подтверждается следующим: угроза убийством и последующая реализация такой угрозы являются стадиями совершения одного преступления убийства. Вменение совокупности угрозы убийством и убийства противоречило бы правилам квалификации преступлений, несмотря на факт наличия двух деяний, могущих по отдельности подлежать самостоятельной уголовно-правовой оценке: в данном случае о едином преступлении свидетельствует реализация едино направленного умысла виновного. См.: Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1999. С. 231.

³ Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. С.139-143.

Но сам принуждаемый вряд ли последовательно воспринимает смену принуждения одного на другое – угроза после предшествовавшего избиения не воспринимается им только как угроза: у него сохраняются болевые ощущения от нанесенных побоев и (или) телесных повреждений. К тому же он находится под вполне реальной угрозой применения физического насилия вновь.

Исходя из сказанного, следует согласиться с позицией В.В. Калугина о том, что наличность принуждения как его временная характеристика имеет начало с момента фактического начала насильственных физического или психического воздействия на принуждаемого (или обоих видов воздействия одновременно); окончанием принуждения надо считать момент полного прекращения принудительного поведения (физического или психического) по отношению к принуждаемому.

Действительность (реальность) принуждения. Как известно, характеристикой любого уголовно значимого поведения человека является способность деяния причинить вред охраняемым уголовным правом интересам. Однако существует возможность того, что принудительные действия не будут носить характер реальных – поведение другого субъекта при этом воспринимается как принудительное только самим «принуждаемым», а в реальности такового принуждения нет¹.

Например, подобным образом обстоят дела при розыгрыше другого лица. Предположим, что человека решили проверить на «твердость характера». С этой целью знакомые «принуждаемого», загримировавшись, потребовали от него под угрозой применения оружия совершить какое-либо общественно опасное деяние, что и было сделано. А в дальнейшем оказалось, что

---

¹ Российское уголовное право: в 2 т. Т.1. Общая часть: учебник / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. М.: Проспект, 2017. С.341-344.

целью таких «принуждающих» было вовсе не совершение «принуждаемым» деяния, а проверка его обратной реакции.

В описанном примере отсутствует принуждение как таковое – поэтому, если действительность принуждения не установлена, надо вести речь о *мнимом принуждении*. Мнимое принуждение – это поведение лица, при котором другой человек ошибочно его воспринимает как насильственное принуждение к совершению какого-либо деяния. Ошибка как уголовно-правовое понятие – это «заблуждение лица относительно объективных свойств общественно опасного деяния, которые характеризуют его как преступление»¹. Ошибка лица в реальности принуждения имеет фактический характер – оно заблуждается относительно истинного характера действий, предполагаемого принуждающего, а также относительно целей действий последнего.

В судебной практике сложилась довольно последовательная регламентация пределов уголовной ответственности причинителя вреда при мнимости другого обстоятельства, исключающего преступность деяния, – при мнимой обороне. В соответствии с п.16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 года № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»² выработаны правила уголовно-правовой оценки вреда, причиненного при мнимой обороне. По мнению ряда авторов, такие правила квалификации уголовно-значимого вреда применимы при мнимом принуждении, а именно:

1. Если недействительность принуждения, исходя из фактических обстоятельств, не могла и не должна была осознаваться причинителем вреда, то к последнему применяются правила, установленные ст. 40 УК РФ. Таким

---

¹ Якушин В.А. Ошибка и ее уголовно-правовое значение. Казань, 1988. С. 35.

² Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 года № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Справочная-правовая система «Консультант-Плюс: Судебная практика».

образом, причинение вреда при мнимом принуждении может расцениваться как уголовно наказуемое либо уголовно ненаказуемое в силу фактической ошибки причинителя вреда. При этом если причинитель вреда при мнимом принуждении все же не будет подлежать уголовной ответственности, то, по своему существу, это становится возможным в силу положений о невиновном причинении вреда (ч. 1 ст. 28 УК РФ), характеризующих заблуждение причинителя вреда относительно реальности принудительных действий.

2. Если причинитель вреда при недействительном (воображаемом) принуждении субъективно мог и объективно должен был осознавать, то обстоятельство, что реально принудительные действия отсутствуют, то он должен подлежать за ответственности за причиненный вред. Вопрос: в какой мере?

Как уже говорилось ранее, принуждать по определению можно только к совершению осознаваемого умышленного деяния. Если соблюдены правила допустимости вреда, установленные ст. 40 УК РФ, то причинитель вреда должен нести ответственность не за умышленное, а за фактическое неосторожное причинение вреда (естественно, если законодатель предусматривает норму о соответствующем неосторожном преступлении). При этом неосторожность (в данном случае – небрежность) также устанавливается как психическое отношение причинителя вреда к осознанию им реально отсутствующего принудительного характера действий другого лица.

С другой стороны, если при реально отсутствующем принуждении, которое причинитель вреда небрежно воспринимал как действительное, к последнему применимы положения об ответственности по правилам ч. 2 ст. 40 УК РФ, он должен нести таковую ответственность.

Проблема преодолемости и непреодолимости принуждения как критерия правомерности физического или психического принуждения. Выделение данного условия в противовес, условию о непреодолимости принужде-

ния обоснованно аргументирует В.А. Блинников¹. Его позиция, по нашему мнению, заслуживает внимания и поддержки.

В соответствии с действующим законодательством, наряду с видом принуждения, определяющей характеристикой данного обстоятельства, является преодолимость принуждения. Следовательно, именно от установления факта способности принуждаемого сохранять волевое руководство своими действиями зависит решение вопроса о возможности применения ст. 40 УК РФ².

Преодолимость как качественная характеристика исследуемого обстоятельства относится как непосредственно к самому принуждению, так и к поведению принуждаемого. Именно поэтому вопрос о преодолимости или непреодолимости принуждения будет рассмотрен отдельно.

Преодолимость принуждения как характеристика обстоятельства, исключающего преступность деяния, является его объективно-субъективным критерием в целом и зависит от целого ряда факторов.

1. Объективные факторы преодолимости принуждения. Возможность преодоления принуждения может зависеть от характера насильственных действий самого принуждающего. Так, например, если физическое воздействие выражено в лишении человека свободы, то само такое деяние объективно лишает принуждаемого действовать по своему усмотрению³.

Можно обратиться к примеру со связанным сторожем и похитителями – его принудительное бездействие, выраженное в невозможности предотвра-

---

¹ Блинников В.А. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в уголовном праве России. М.: Юрлитинформ, 2014. С.149-174.

² Гарбатович Д.А. Преодолимое психическое принуждение (ч.2 ст.40 УК РФ) // Российский судья. 2017. № 7. С.42-45.

³ В литературе как раз «преодолимость» физического или психического принуждения предлагается считать его основной юридической характеристикой для исключения преступности вреда, причиненного под принуждением. См.: Кибальник А.Г. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. М., 2009. С. 34-36 ; Луиенко Е.Г., Теслицкий И В. Преодолимость психического принуждения и уголовная ответственность // Общество и право. 2010. № 1. С. 151-153.

твить хищение или хотя бы обратиться за помощью, было, что называется, «абсолютно» непреодолимым – он был лишен физической возможности действовать по своему усмотрению.

Такое же объективно непреодолимое принуждение имеет место, когда лицо приводят различными способами в бессознательное состояние и оно не имеет объективной возможности совершить требуемое от него деяние. Видимо, подобного рода примеры дали возможность Т.Ю. Орешкиной утверждать, что при непреодолимом физическом принуждении преобладает бездействие принуждаемого¹.

Однако преодолимость физического принуждения зависит не только от того, заключалось ли воздействие принуждающего в лишении принуждаемого свободы или в приведении его в бессознательное состояние.

Объективно непреодолимым принуждением надо расценивать случаи подавления психически произвольной деятельности человека путем введения различного рода психотропных препаратов. Не секрет, что имеются препараты, которые объективно подавляют волю человека – и совершение последним того или иного деяния надлежит расценивать как непреодолимое принуждение.

В любом случае можно говорить о том, что принуждение имеет объективные характеристики своей преодолимости или непреодолимости – и они заключаются в наличии у принуждаемого объективной возможности действовать по своему усмотрению либо отсутствию таковой возможности. Это обстоятельство является определяющим для признания принуждения непреодолимым или преодолимым и решения вопроса об ответственности принуждаемого за причиненный им вред².

---

¹ Орешкина Т. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключаящее преступность деяния // Уголовное право. 2000. № 1. С. 34.

² Орешкина Т.Ю. Глава Уголовного кодекса РФ об обстоятельствах, исключаящих преступность деяния: проблемы формирования // Lex russica. 2017. № 6. С.101-115.

Представляется, что не только физическое, но и психическое принуждение может быть объективно непреодолимым¹. Так обстоит дело в случаях прямого воздействия на неосознаваемое как составляющее психики принуждаемого (например, при гипнозе) – ведь загипнотизированный человек зачастую не имеет возможности противостоять требованию принуждающего². Это обстоятельство заставляет по-новому переосмыслить законодательную редакцию ст. 40 УК РФ.

2. Субъективные факторы преодолимости принуждения. Любое принуждение имеет также субъективные критерии преодолимости, зависящие от психического осознания своего поведения как принуждаемым, так и принуждающим. Во многом субъективные критерии преодолимости неразрывно связаны с объективными – тот же связанный сторож прекрасно понимает, что ему ничего не остается делать; это же понимают и виновные.

Однако имеются и «чисто» субъективные характеристики преодолимости принуждения. Общеизвестно, что у каждого человека есть болевой порог терпения. Предположим, что двух лиц принуждают к совершению общественно опасного деяния путем избиения. Один из них может «сломаться» практически сразу – а другой вытерпеть любые побои. Понятно, что это исключительно субъективное обстоятельство, и признавать его в качестве абсолютного критерия преодолимости принуждения нельзя. Иначе любое деяние, совершенное принуждаемым после удара, допустим, по ноге, надо расценивать как непроступное, если принуждаемый заявит о том, что ему «было нестерпимо больно». Но и сбрасывать со счетов «болевой порог» как субъективную характеристику восприятия принуждения принуждаемым также

---

¹ Мизина О.В. Уголовно-правовая оценка принуждения в системе обстоятельств, исключаяющих преступность деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток. 2009. С.11.

² Луценко Е.Г. Гипноз как способ психического принуждения // Российский криминологический взгляд. 2007. № 2. С. 193-194 ; Уголовное право России. Практический курс. 4-е изд. / под ред. А.В. Наумова. М., 2010. С. 179-180.

нельзя – во всяком случае, его определение (хотя бы и приблизительное) возможно путем проведения соответствующей медико-биологической экспертизы. Представляется, что назначение такого исследования должно быть обязательным при решении вопроса о применении ст. 40 УК РФ¹.

Наконец, можно обратиться к такой субъективной характеристике, как страх, осознание опасности. Ведь принуждающий зачастую добивается своей цели, рассчитывая в первую очередь на испуг принуждаемого.

Те же случаи «предварительного» нанесения побоев с последующим выдвижением требования о совершении деяния под угрозой еще большего избиения (да и без высказывания такой угрозы) совершаются с целью запугивания принуждаемого – а то «ему еще хуже будет», если он станет и далее отказываться от совершения требуемого.

Чем, как ни страхом, продиктовано совершение различных деяний родителями, чтобы спасти своих детей – достаточно создать реальную угрозу расправы над ребенком, и мать или отец согласится на все что угодно, чтобы спасти свое дитя. Это настолько фундаментальное качество нормальной человеческой жизни, что не следует ставить его под сомнение и даже пытаться дать ему «юридический анализ» – оно в нем попросту не нуждается.

Реальный, обоснованный страх за свою жизнь, жизнь близких, наконец, жизнь другого человека, нельзя не учитывать при решении вопроса о том, было принуждение преодолимым или нет. Страх может подтолкнуть человека к активному противодействию, а может и парализовать волю, сделать из него покорного исполнителя любого требования принуждающего².

Итак, субъективные признаки преодолимости принуждения – это осознание самим принуждаемым и сохранение им волевой способности противостоять принуждению.

---

¹ Блинков В.А. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния, в уголовном праве России. М.: Юрлитинформ, 2014. С.149-174.

² Ойстер И. Психология страха. М., 1999. С. 14.

Объективные и субъективные признаки принуждения неразрывно связаны между собой, они могут перерасти друг в друга как в деятельности принуждающего, так и в поведении принуждаемого. Именно на основе комплексного, юридически обоснованного анализа всех объективных и субъективных признаков принуждения необходимо решать вопрос о преодолении или непреодолимости самого принуждения как обстоятельства, исключаящего преступность деяния.

В части 1 статьи 40 УК РФ установлено, что непреодолимым принуждением может быть только физическое принуждение, которое лишает принуждаемого возможности руководить своими признаками. Итак, законодательный водораздел между преодолимым и непреодолимым принуждением лежит в сфере волевой деятельности причинителя вреда – если он лишается возможности произвольно руководить своими действиями, то уголовная ответственность исключается за любой фактически причиненный им вред¹.

Ранее уже отмечалось, что преодолимость принуждения зависит от объективных и субъективных характеристик как самого принуждения, так и деятельности принуждаемого. Но именно наличие или отсутствие свободной воли человека является краеугольным камнем в оценке его уголовно значимого поведения.

Лишение человека способности действовать по своему усмотрению (по крайней мере, ущемление такой способности) – цель любого принуждения, физического и психического. При этом своей цели виновный стремится достичь посредством использования того или иного насильственного способа.

---

¹ Отсутствие «волевого компонента» в деянии лица, находившегося под непреодолимым физическим принуждением, является, по мнению ряда авторов, основанием непризнания за таким принуждением статуса обстоятельства, исключаящего преступность деяния. При этом причиненный вред не расценивается как преступление по правилам действия непреодолимой силы. См.: Дмитренко А.П. Институт обстоятельств, исключаящих преступность деяния, в уголовном праве России: основы теории, законодательной регламентации и правоприменения: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2010. С. 27; Куманьева Е.А. Принуждение в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С.11.

Бесспорно, что физическое принуждение может полностью лишать принуждаемого волевых характеристик поведения – это в первую очередь относится к случаям воздействия, лишаящего принуждаемого физической свободы или приводящего его в бессознательное (беспомощное) состояние и совершенного вопреки желанию самого принуждаемого. Более того, деяние принуждаемого в подобных ситуациях (нельзя не согласиться с В.В. Калугиным и Т.Ю. Орешкиной) не только не обладает признаками волевого, но и зачастую – признаками осознанного. Если того же сторожа привели в бессознательное состояние и затем обокрали охраняемый объект – вряд ли кто будет утверждать, что бездействие сторожа носило осознаваемый характер.

Но способность осознания своего поведения принуждаемым – по существу факультативный признак непреодолимого принуждения; он может наличествовать, а может и отсутствовать, в принципе, не влияя на юридическую оценку поведения принуждаемого.

Итак, главная характеристика непреодолимого принуждения – это отсутствие волевого характера деяния принуждаемого, с чем солидарны практически все авторы¹. Отсутствия воли в поведении человека можно добиться различными насильственными способами. А юридическое установление этого факта (как, впрочем, и факта сохранения волевого характера деяния при преодолении принуждения) зависит от правильности комплексной оценки всех объективных и субъективных признаков самого принуждения.

Подавление воли другого человека – это результат, следствие интеллектуально-волевой деятельности другого лица; и этот результат должен находиться в причинной связи с действиями принуждающего.

К физическому воздействию, полностью лишаящему принуждаемого воли, относятся, как уже говорилось, случаи лишения его свободы, приведе-

---

¹ Мизина О.В. Уголовно-правовая оценка принуждения в системе обстоятельств, исключаящих преступность деяния: автореф. дис. .... канд. юрид. наук. Владивосток, 2009. С. 10.

ние в бессознательное состояние, физиологическое воздействие и т.п. И если достичь подавления воли другого человека физическими способами вполне возможно (что прямо подтверждается законодателем и профессиональными специалистами), то подавить волю другого лица вполне возможно и посредством психического насилия.

Во-первых, к такому психическому насилию надо отнести неосознаваемое прямое воздействие на психику другого человека. Примеры гипнотического воздействия на психику лица уже приводились, и признание способности такого воздействия полностью лишать воли принуждаемого находит сторонников среди юристов (А.В. Наумов, Т.Ю. Орешкина и др.)

Во-вторых, необходимо поставить вопрос: может ли осознаваемое психическое насилие лишить воли принуждаемого? Страх может лишить человека воли, и уже говорилось о силе страха. Страх – чрезвычайно субъективная реакция человека в ответ как на физическое насилие, так и на психическое. В страхе человек может совершить все¹. По справедливому утверждению Л.В. Сердюка, психическое насилие может привести человека в такое состояние, при котором «возникает возможность управлять его поведением»². А управлять поведением другого — означает лишить его свободы воли.

Страх сродни аффективному состоянию. Юридически значимое причинение вреда в состоянии физиологического аффекта (убийство, умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью – ст.ст. 107, 113 УК РФ) имеет место, если в ответ на провокацию (акт противоправного или аморального поведения) вред причиняется самому провоцирующему. Вот как описал значение аффекта Б.В. Сидоров: «Уголовное законодательство отводит важную роль состоянию сильного душевного волнения (физиологический аффект), под которым понимается яркая, кратковременная вспышка,

---

¹ Ойстер И. Психология страха. М., 1999. С. 15-16.

² Сердюк Л.В. Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки следователем. Волгоград, 1981. С. 11.

сильное бурное переживание (гнев, переходящий в ярость, страх, доходящий до ужаса, тоска, достигающая отчаяния и т.д.)»¹.

«Страх, доходящий до ужаса». Какой же страх испытывает мать, когда ее принуждают к совершению чего-нибудь противозаконного, на глазах избивая собственного ребенка? Вопрос, конечно, риторический — но ведь «право» и «закон» не всегда соответствуют друг другу. Понятно, что идеал недостижим, но все же формальная буква закона должна стремиться соответствовать «высшему» праву. И для признания страха обстоятельством, подавляющим волю человека, имеются все основания. Это обстоятельство признается уголовным законодательством ряда европейских стран.

Таким образом, осознаваемое психическое насильственное воздействие при принуждении также может лишить деяние причинителя вреда характера волевого. А вот наличие или отсутствие психологической способности принуждаемого руководить своим поведением при психическом принуждении должно устанавливаться каждый раз, исходя из фактических обстоятельств дела, на основе соответствующего заключения эксперта. К тому же позволим себе утверждать, что в данной ситуации к принуждаемому вполне применимо конституционное правило «о толковании сомнений» (ч. 3 ст. 49 Конституции РФ), состоящее в том, что сомнения должны толковаться в пользу того человека, которого обвиняют в совершении преступления.

Исходя из сказанного, следует согласиться с позицией о том, что непреодолимое принуждение может быть, как физическим, так и психическим, а признание этого требует серьезных изменений в уголовном законодательстве. Установление непреодолимости принуждения исключает ответственность за причинение принуждаемым любого уголовно-значимого вреда — то есть при таком принуждении в принципе допустимо причинение

---

¹ Сидоров Б.В. Аффект его уголовно-правовое и криминологическое значение. Казань, 1978. С. 23.

большого вреда, чем тот, который был фактически причинен самим принуждением.

Как известно, психическое принуждение в ст. 40 УК РФ определено только как преодолимое, и вопрос об уголовной ответственности при таком принуждении (как и при преодолимом физическом) решается по правилам правомерности другого обстоятельства, исключающего преступность деяния, – крайней необходимости.

ГЛАВА 2. АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 40 УК РФ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ И РЕГЛАМЕНТАЦИИ ФИЗИЧЕСКОГО ИЛИ ПСИХИЧЕСКОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СТРАН – БЫВШИХ РЕСПУБЛИК СССР

§ 2.1. Анализ использования положений статьи 40 УК РФ в судебной практике

Вызывает интерес исследование вопроса об использовании положений статьи 40 УК РФ в судебной практике.

Так, обращает на себя внимание позиция Красноярского краевого суда, высказанная в обобщении судебной практики в 2011 году. В частности, названная судебная инстанция указала следующее:

«В соответствии со ст. 40 УК РФ, не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в результате физического принуждения, если вследствие такого принуждения лицо не могло руководить своими действиями (бездействием). Вопрос об уголовной ответственности за причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в результате психического принуждения, а также в результате физического принуждения, вследствие которого лицо сохранило возможность руководить своими действиями, решается с учетом положений ст. 39 УК РФ.

По смыслу закона, ст. 40 УК РФ предусматривает два положения о принуждении, которые имеют различную правовую природу и влекут разные правовые последствия.

Часть 1 ст. 40 УК РФ содержит положения о непреодолимом физическом принуждении, под воздействием которого принуждаемый лишается возможности выразить свою волю в деянии, что является по своей сути вари-

антом непреодолимой силы. Поскольку действие или бездействие лица, совершенные под влиянием непреодолимого физического принуждения, лишены волевого момента, лицо не подлежит привлечению к уголовной ответственности.

На наш взгляд, спорным моментом является тот факт, что законодатель не признает непреодолимости психического принуждения, и в связи с этим не получает должной правовой оценки тот факт, что наиболее интенсивные виды психического принуждения способны полностью блокировать волю другого человека.

По смыслу закона, причинение вреда при преодолимом физическом и психическом принуждении рассматривается по правилам, предусмотренным для крайней необходимости, а именно, должна иметь место реальная угроза причинения существенного вреда охраняемым законом интересам; невозможность избежать ее иным путем, без причинения вреда; причиненный вред должен быть меньше предотвращенного.

Если под воздействием преодолимого физического или психического принуждения лицом умышленно причиняется вред, который равен или больше предотвращенного, такое лицо подлежит уголовной ответственности. При этом, в соответствии с п. "е" ч. 1 ст. 61 УК, совершение преступления в результате физического или психического принуждения признается обстоятельством, смягчающим наказание.

Случаев, когда судами Красноярского края были применены положения ст. 40 УК РФ, в ходе проведенного анализа судебной практики установлено не было»¹.

Как мы видим главная судебная инстанция одного из крупнейших

---

¹ Обобщение Красноярского краевого суда от 22 декабря 2011 года «Обобщение практики применения судами Красноярского края норм о необходимой обороне и иных обстоятельствах, исключающих преступность деяния (статьи 37 - 42 УК РФ), по делам, рассмотренным в 2009 - первом полугодии 2011 года». // Справочная-правовая система «КонсультантПлюс: Судебная практика».

субъектов РФ за обнаружила в судебной практике за период с 2009 года и в первом полугодии 2011 году ни одного случая применения положений ст.40 УК РФ. Возникает вопрос можно ли считать подобное положение характерным для Российской Федерации на примере изучения правоприменительной деятельности Верховного Суда РФ.

1) Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ установила, что по приговору суда Самохвалов Ан.А. (далее - Самохвалов Ан.А.) и Самохвалов Ал.А. (далее - Самохвалов Ал.А.) признаны виновными в разбое, то есть нападении в целях хищения чужого имущества, совершенном с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, группой лиц по предварительному сговору, с применением оружия и предметов, используемых в качестве оружия, в особо крупном размере, с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевших С. и П. а Самохвалов Ан.А. и с незаконным проникновением в помещение.

Также Самохвалов Ан.А. признан виновным в убийстве, а Самохвалов Ал.А. в пособничестве убийству С. и П. то есть умышленном причинении смерти двум лицам, в связи с осуществлением ими служебной деятельности, сопряженном с разбоем.

В апелляционных жалобах и дополнениях к ним:

адвокат Котлецова Л.А. просит приговор отменить, дело передать на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

В обоснование доводов жалобы указывает на неверное установление судом фактических обстоятельств дела, ссылается на показания Самохвалова Ан.А. о том, что преступления он совершил один без участия брата, в предварительный сговор с ним не вступал, *заставил оказать ему содействие в совершении преступлений под угрозой применения насилия в отношении него и членов его семьи;*

адвокат Буданов Б.Г. просит приговор суда отменить, Самохвалова

Ал.А. оправдать в связи с отсутствием в его действиях состава преступления.

В обоснование доводов жалобы указывает, что выводы суда не соответствуют фактическим обстоятельствам дела, имеющиеся противоречия не устранены, дело рассмотрено с обвинительным уклоном;

полагает, что в данном случае подлежали применению положения ст. 40 УК РФ об освобождении от уголовной ответственности ввиду того, что действия Самохвалова Ал.А. были обусловлены оказанным на него физическим и психологическим давлением со стороны брата.

Проверив материалы дела, обсудив доводы, содержащиеся в апелляционных жалобах осужденных, адвокатов и возражениях государственного обвинителя, потерпевших и их представителя, Судебная коллегия находит выводы суда о виновности Самохваловых в совершении преступлений при установленных судом обстоятельствах основанными на доказательствах, надлежащим образом исследованных в судебном заседании.

Таковыми доказательствами обоснованно признаны показания осужденного Самохвалова Ан.А., данные им на предварительном следствии и подтвержденные им в ходе проверки показаний на месте с использованием видеозаписи, об обстоятельствах содеянного, а также показания Самохвалова Ал.А. в судебном заседании и на предварительном следствии, который не отрицал своего присутствия на месте происшествия, но наличие умысла и предварительного сговора на преступления не признал, **высказав в судебном заседании совместную с Самохваловым Ан.А. версию об участии в совершении преступлений под принуждением.**

Однако указанная версия и доводы адвоката Буданова Б.Г. о том, что Самохвалов Ал.А. не может быть привлечен к уголовной ответственности с учетом положений, предусмотренных ст. 39 и 40 УК РФ, поскольку он действовал под принуждением со стороны брата, являются необоснованными.

В соответствии со ст. 40 УК РФ не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в результате физического принуждения, если вследствие такого принуждения лицо не могло руководить своими действиями (бездействием). Вопрос об уголовной ответственности за причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в результате психического принуждения, а также в результате физического принуждения, вследствие которого лицо сохранило возможность руководить своими действиями, решается с учетом положений ст. 39 УК РФ.

Как видно из материалов дела, какого-либо физического либо психического принуждения, вследствие которого Самохвалов Ал.А. не мог руководить своими действиями в момент оказания пособничества своему брату в убийстве, а также в ходе участия совместно с ним в разбойном нападении, к нему не применялось. Исходя из установленных судом обстоятельств преступления, в том числе, на основании показаний самих осужденных, Самохвалов Ал.А. действовал согласованно по предварительному сговору со своим братом Самохваловым Ан.А., имея реальную возможность прекратить свое участие в преступлении, однако он этого не сделал, совершая активные действия, направленные на достижение общего преступного результата.

Судебная коллегия считает, что приводимые осужденными и их защитниками в апелляционных жалобах доводы в указанной части следует отнести к способу защиты Самохваловых от предъявленного обвинения, имеющему цель опорочить доказательственное значение показаний, положенных в основу приговору суда, в которых Самохвалов Ан.А. уличал брата в содеянном и подробно описывал его роль, в том числе, согласованность их действий в период совершения преступлений в Управлении специальной связи в соответствии с предварительным сговором.

Оценив исследованные доказательства в совокупности, суд пришел к правильному выводу о доказанности виновности Самохваловых в преступлениях, совершенных по предварительному сговору. Судебная коллегия считает, что судом правильно установлены фактические обстоятельства дела¹.

Как мы видим в рассмотренном случае Судебная коллегия прямо указала, что утверждение о совершении преступления под влиянием физического или психического принуждения является только способом защиты от предъявленного обвинения.

2) Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации установила, что при обстоятельствах, подробно изложенных в приговоре, Гиниятуллин И.Р. осужден за участие во второй половине 2008 года в банде, созданной в г. <...> и руководимой Х. за покушение 31 декабря 2008 г. в г. <...> в составе организованной группы на открытое хищение имущества (грабеж), принадлежащего Ш. в крупном размере, за разбойное нападение 11 июня 2014 г. на почтальонов ФГУП "Почта России" Н. и В. совершенное в п. <...> района <...> области по предварительному сговору с неустановленным лицом, с применением оружия, с целью хищения чужого имущества в особо крупном размере - <...> рублей, и за незаконное ношение огнестрельного оружия и боеприпасов.

В своей апелляционной жалобе и в дополнениях к ней осужденный Гиниятуллин И.Р. просит приговор в части его осуждения по ч. 2 ст. 209 УК РФ отменить и прекратить дело в этой части за непричастностью к совершению преступления; переqualифицировать его действия с ч. 3 ст. 30 и п. "а" ч. 3 ст. 161 УК РФ на ч. 3 ст. 30 и п. "а" ч. 2 ст. 161 УК РФ, с ч. 4 ст. 162 УК РФ на ч. 2 ст. 162 УК РФ; назначить ему наказание с применением ст. 64 и ст. 73 УК РФ.

---

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ по уголовным делам от 14 июля 2016 г. № 48-АПУ16-22 // Справочная правовая система «Консультант-Плюс: Судебная практика».

При этом осужденный ссылается на то, что его его показания о совершении разбойного нападения в результате психологического и физического принуждения ничем не опровергнуты и проигнорированы судом.

В своей апелляционной жалобе адвокат Файзуллина Д.Р. просит приговор в части осуждения Гиниятуллина И.Р. по ч. 2 ст. 209, п. "б" ч. 4 ст. 162 и ч. 1 ст. 222 УК РФ отменить и по данным статьям Гиниятуллина И.Р. оправдать; действия Гиниятуллина И.Р. переквалифицировать с ч. 3 ст. 30 и п. "а" ч. 3 ст. 161 УК РФ на ч. 3 ст. 30 и п. "а" ч. 2 ст. 161 УК РФ; в удовлетворении гражданских исков В. и Н. отказать.

В обоснование перечисленных выше просьб защитник ссылается на то, что Гиниятуллина И.Р. вменяется лишь одно преступление в соучастии с Х. Гиниятуллин И.Р. ни с кем не объединялся, оружия не имел; показаниям Х. доверять нельзя; устойчивость группы, совершившей покушение на грабеж Ш. отсутствует; поскольку Гиниятуллин И.Р. действовал под принуждением со стороны некоего М. то в силу ч. 1 ст. 40 УК РФ в его действиях отсутствует состав преступления. Кроме того адвокат просит учесть выписку из истории болезни Гиниятуллина И.Р. из <...> районной больницы.

Изучив материалы уголовного дела, обсудив доводы апелляционных жалоб и дополнений к ним, Судебная коллегия пришла к следующим выводам.

Будучи допрошенным в ходе судебного разбирательства, Гиниятуллин И.Р. показал, что он вынужден был пойти на совершение преступления, поскольку боялся физической расправы со стороны парня по имени М. Суд первой инстанции обоснованно не признал данные показания Гиниятуллина И.Р. достоверными, приведя по ним убедительные мотивы в приговоре. Судебная коллегия разделяет вывод суда относительно приведенных выше показаний Гиниятуллина И.Р. и считает довод апелляци-

онной жалобы защитника об отсутствии в действиях осужденного в силу ст. 40 УК РФ составов преступлений несостоятельным.

Хотя, Судебная коллегия не воспроизвела доводы суда первой инстанции, по-нашему мнению, ссылка на угрозу применения физической расправы со стороны М. являлась лишь элементом сформированной позиции защиты.

3) Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации установила следующее. Танаев А.А. признан виновным в совершении группой лиц совместно с Аминовым Т.У. убийства С. Преступление совершено 01 января 2014 года в с. <...> <...> района Республики <...> при изложенных в приговоре обстоятельствах. В судебном заседании Танаев А.А. виновным себя признал.

В апелляционной жалобе и дополнениях к ней осужденный Танаев А.А., а также в дополнениях к жалобе (озаглавленной как отзыв на жалобу осужденного) адвокат Тулибаев Ш.Н. просят приговор отменить с направлением дела на новое судебное рассмотрение. Указывают на то, что **Танаев А.А. не имел умысла на лишение жизни С., нанес ему удар ножом под угрозой убийством со стороны Аминова Т.У., под его принуждением. Поэтому, на основании ст. ст. 39 и 40 УК РФ Танаев А.А. уголовной ответственности не подлежит, либо суд это обстоятельство должен был учесть в качестве смягчающего наказание на основании п. "е" ч. 1 ст. 61 УК РФ. Суд этого не учел, и назначил ему чрезмерно суровое наказание с нарушением правил, предусмотренных ст. 60 УК РФ.**

Проверив материалы дела, обсудив доводы апелляционной жалобы и дополнений к ней, а также возражений на нее, Судебная коллегия считает приговор суда законным, обоснованным и справедливым.

Доводы осужденного о том, что он не может быть привлечен к уголовной ответственности с учетом положений, предусмотренных ст.

ст. 39 и 40 УК РФ, поскольку он действовал под принуждением Аминова Т.У. и опасался за свою жизнь, не могут быть признаны обоснованными.

В соответствии со ст. 40 УК РФ не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в результате физического принуждения, если вследствие такого принуждения лицо не могло руководить своими действиями (бездействием). Вопрос об уголовной ответственности за причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в результате психического принуждения, а также в результате физического принуждения, вследствие которого лицо сохранило возможность руководить своими действиями, решается с учетом положений ст. 39 УК РФ.

Как видно из материалов дела, какого-либо физического принуждения, вследствие которого Танаев А.А. не мог руководить своими действиями, к нему не применялось.

В силу положений, содержащихся в ст. 39 УК РФ, не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами.

Из материалов дела, в том числе, показаний Танаева А.А. и Аминова Т.У. следует, что Аминев Т.У. высказал угрозу убийством Танаеву А.А., передавая ему нож для нанесения ударов потерпевшему. Однако эта угроза жизни Танаева А.А. вполне могла быть устранена без нанесения им ударов потерпевшему. Танаев А.А., тем более, что орудие преступления - нож - уже находился в его распоряжении, мог покинуть место происшествия, устранить исходившую для него от Аминова Т.У. угрозу иными средствами.

Суд дал правильную правовую оценку действиям Танаева А.А. и пришел к обоснованному выводу о том, что он, видя, что Аминев Т.У. убивает С., присоединился к его действиям, разделил его умысел и, осознавая, что совершает убийство в группе лиц, нанес удары ножом потерпевшему с целью лишения его жизни. Высказанная в его адрес угроза не может быть учтена, поэтому, и в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, о чем просит в своей жалобе осужденный. Мотив убийства в данном случае определяющего значения для квалификации действий Танаева А.А. не имеет¹.

В данном случае Судебная коллегия дала детальную оценку доводам осужденного о невозможности привлечения его к уголовной ответственности ввиду того, что психическое принуждение в виде угрозы было преодолимо.

4) Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации установила, что осужденный Биджиев Алибек М. в кассационной жалобе просит приговор изменить: переqualифицировать его действия с ч. 1 ст. 208 УК РФ на ч. 2 ст. 208 УК РФ; с ч. 3 ст. 222 УК РФ - на ч. 1 ст. 222 УК РФ; оправдать его по ст. 317 УК РФ, ч. 2 ст. 112 УК РФ, ч. 1 ст. 30, ст. 278 УК РФ за отсутствием в его действиях составов указанных преступлений. Осужденный просит назначить наказание с применением ст. 73 УК РФ и назначить условное наказание не связанное с изоляцией от общества.

Биджиев Алибек полагает, что приговор постановлен на недопустимых, сфальсифицированных доказательствах и является чрезмерно строгим. Осужденный в жалобе указывает, что на предварительном следствии к нему применялось физическое насилие, его пытали, в результате чего были получены доказательства, не соответствующие действительности. Судом по его

---

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ по уголовным делам от 23 июня 2015 г. № 49-АПУ15-20 // Справочная правовая система «Консультант-Плюс: Судебная практика».

заявлению о применении незаконных методов ведения следствия проверка была проведена ненадлежащим образом, неполно, необъективно.

Участия в создании незаконного вооруженного формирования он не принимал, никакого отношения к руководству незаконным вооруженным формированием он не имел, был рядовым ее членом, не мог покинуть ее ряды, избегая мести со стороны Хубиева. НВФ было создано Хубиевым, который и руководил им. У него не было умысла на посягательство на сотрудников правоохранительных органов, он стрелял в сторону от машины. С того места, откуда он стрелял, невозможно было попасть в потерпевших. **Не стрелять он не мог, так как Хубиев за непослушание мог его убить на месте. Угрозы Хубиева он воспринимал реально.**

Проверив материалы дела, обсудив доводы кассационных жалоб, возражений на жалобы, судебная коллегия находит выводы суда о виновности осужденных в совершении преступлений, за которые они осуждены, основанными на исследованных в судебном заседании и приведенных в приговоре доказательствах.

Судом обоснованно отклонены доводы стороны защиты о том, что преступные действия Биджиева Али были якобы обусловлены угрозой физической расправы со стороны Хубиева Р.А.-А. Как следует из показаний самого Биджиева Али, а также осужденных Шидакова Э.М., Шидакова М.М., Али вошел в группу Хубиева Р.А.-А. и принял в ней и совершенных ею преступлениях активное участие, добровольно, по своему желанию, соответственно каких-либо оснований для применения в данном случае положений ст. ст. 39, 40 УК РФ (крайняя необходимость, физическое или психическое принуждение) суд обоснованно не нашел¹.

---

¹ Кассационное определение от 6 февраля 2012 г. № 30-О12-1 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс: Судебная практика».

Таким образом, в данном случае доводы защиты о применении ст.ст. 39,40 УК РФ, по нашему мнению, являются попыткой создания условий для ухода осужденного от ответственности.

5) Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации установила следующее. По приговору Тягинов С.С. и Арбунов Г.П. признаны виновными в уgone группой лиц по предварительному сговору транспортного средства. Кроме того, признаны виновными: Тягинов С.С. - в убийстве двух лиц - О. и Т., умышленном уничтожении чужого имущества, причинившем значительный ущерб потерпевшему, в незаконных приобретении и хранении огнестрельного оружия и боеприпасов к нему; Арбунов Г.П. - в угрозе убийством в отношении Т.

Осужденный Тягинов С.С. в кассационной жалобе на приговор указывает на обоснованность вменения ему квалифицирующего признака угона транспортного средства - "совершение преступления группой лиц по предварительному сговору", настаивая на переквалификации его действий в этой части на ч. 1 ст. 166 УК РФ. Утверждает, что, хотя и с Арбуновым Г.П. действия по угону автомобиля были согласованными, предварительного сговора между ними на совершение преступления не было. Обращает внимание на то, что судом при определении размера компенсации морального вреда потерпевшим не были соблюдены предписания ст. 1101 ГК РФ и не учтена реальная его возможность компенсировать вред в установленном размере. Отмечает, что суд в недостаточной степени учел то, что он явился с повинной, дал подробные показания об обстоятельствах совершения преступлений, способствовал их раскрытию, а также что у него имеется малолетний ребенок, а сам он в 2008 году тяжелую травму головы и постоянно испытывает головную боль. Указывает также, что совершение им преступлений спровоцировали сами потерпевшие, которые оскорбительно высказались в его адрес. Просит приговор изменить, переквалифицировав его действия с п. "а" ч.

2 ст. 166 УК РФ на ч. 1 ст. 166 УК РФ, смягчив назначенное ему наказание и уменьшив размер компенсации морального вреда.

Осужденный Арбунов Г.П. в своей кассационной жалобе утверждает о несоответствии приговора требованиям законности, обоснованности и справедливости в связи с безосновательностью вывода суда о наличии в действиях осужденных по угону автомобиля квалифицирующего признака совершения преступления группой лиц по предварительному сговору и неполным учетом смягчающих наказание обстоятельств. **Обращает внимание на то, что его действия были совершены под влиянием психического принуждения со стороны Тягинова С.С., в связи с чем в отношении него подлежит применению ст. 40 УК РФ**; просит квалифицировать его действия по ч. 1 ст. 166 УК РФ и снизить назначенное наказание.

Проверив материалы уголовного дела, обсудив доводы кассационных жалоб и возражений на них, Судебная коллегия находит, что выводы суда о виновности осужденных в совершении инкриминируемых им преступлений соответствуют фактическим обстоятельствам дела и основаны на всесторонне исследованных в судебном заседании доказательствах, полно и объективно изложенных, и оцененных в приговоре.

В частности, вина Тягинова С.С. и Арбунова Г.П. в совершении инкриминируемых им преступлений подтверждается признательными показаниями самих осужденных, данными ими в ходе досудебного производства и оглашенными в судебном заседании, а Арбуновым Г.П. - также в ходе судебного разбирательства. Так, Тягинов С.С. показал, что когда приехавшие к клубу парни, О. и Т., стали насмехаться над ним, говоря, что он "терпила", он, обидевшись, сказал Арбунову Г.П. сесть за руль принадлежащей парням автомашины "Ока" и поехать к нему домой, где взял хранившиеся у него автомат АКМС, снаряженный 7 патронами, и помповое охотничье ружье ТОЗ-194, снаряженное 3 патронами. Автомат Тягинов С.С. взял себе, а ружье пе-

редал Арбунову Г.П. Вернувшись в клуб, он из автомата с расстояния примерно 2-х метров выстрелил сначала в сидящего на полу О., которому причинил опасное для жизни телесное повреждение, а затем в сидящего в кресле Т., но промахнулся. Арбунов Г.П. в это время, что-то крича в адрес Т. произвел возле него два выстрела из ружья в пол и стену. После этого Тягинов С.С. приказал загрузить тело О. в машину "Ока" и самому сесть в нее, сам сел в машину на пассажирское сиденье, а Арбунов Г.П. сел за руль, и они поехали в с. <...>. На окраине села они остановили машину, и, когда Т. по указанию Тягинова С.С. вытащил труп О. в кювет, он произвел выстрел из автомата в голову Т., а затем, спустившись в кювет, еще по несколько раз прицельно выстрелил в каждого из потерпевших. Автомашину "Ока" он на обратной дороге поджег, пропитав сиденья бензином из бензобака, а автомат отдал по приезду в п. <...> Ш., чтобы тот его спрятал. Ружье Арбунов Г.П. также отдал Ш.

Утверждение осужденного Арбунова Г.П. о том, что, поскольку инкриминируемые ему действия были совершены под влиянием принуждения со стороны Тягинова С.С., в отношении него подлежит применению ст. 40 УК РФ, лишено под собой каких-либо оснований. В материалах уголовного дела отсутствуют данные о том, что Тягинов С.С. или кто-либо иной в день совершения преступлений или в другое время применял в отношении Арбунова Г.П. физическое насилие с целью понудить его к совершению преступлений. Не были получены в ходе предварительного следствия и в суде данные и о том, что в отношении Арбунова Г.П. применялось психическое принуждение. Из материалов дела не усматривается, что между осужденными существовали отношения верховенства и подчиненности, что Арбунов Г.П. был в чем-то зависим от Тягинова С.С. или подвергался насилию с его стороны; некоторое расхождение в возрасте осужденных не является убедительным доказательством

непререкаемости указаний Тягинова С.С. для Арбунова Г.П. Судья по материалам дела, у Арбунова Г.П. была возможность отказаться от совершения преступлений, более того, будучи вооруженным помповым ружьем, он мог бы принять меры к пресечению совершения преступлений Тягиновым С.С., однако каких-либо действий в этом направлении он не совершал, в связи с чем не имеется оснований ни для констатации отсутствия в его действиях состава преступления в соответствии с ч. 1 ст. 40 УК РФ, ни для смягчения его ответственности¹.

Очевидно, что в данном случае Судебная коллегия провела детальный анализ позиции осужденного из которой следует, что условия для применения положений статьи 40 УК РФ полностью отсутствуют.

б) Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ установила следующее. Рязанцев Д.Г., Мадасов П.А. и гражданин КНР Лю С. осуждены за убийство группой лиц с особой жестокостью Ч. Коваленко И.С., Ермаков В.Н. и Господарик А.А. осуждены за истязание Ч. то есть причинение физических и психических страданий путем систематического нанесения побоев и иных насильственных действий, что не повлекло последствий, указанных в статьях 111 и 112 Уголовного кодекса РФ, совершенное с применением пытки, группой лиц по предварительному сговору.

В апелляционной жалобе и дополнениях к ней осужденный Коваленко И.С. указывает, что суд при наличии противоречивых доказательств, имеющих существенное значение для выводов суда, не указал, почему одни доказательства принял, а другие отверг. Полагает, что в приговоре содержатся противоречия, которые повлияли на решение вопроса о его виновности, на правильность применения уголовного закона и размер назначенного ему наказания. Вопреки закону суд не истолковал все сомнения о его виновности

---

¹ Кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ по уголовным делам от 26 января 2011 г. № 42-О10-14 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс: Судебная практика».

в его пользу. Утверждает, что не имел умысла и сговора с другими осужденными на истязание потерпевшего, делал все из-за боязни оказаться на месте потерпевшего. Не отрицает, что по требованию Рязанцева нанес несколько ударов по стопам потерпевшего и дважды подключал провода к электричеству, других действий не совершал. Никто из свидетелей не опроверг его показания. Считает, что его вина в совершении истязания с применением пытки не доказана. Поскольку истязание это умышленное преступление, суду надлежало установить, что, применяя насилие к Ч. он имел намерение получить от него показания, признания. Однако материалы дела таких доказательств не содержат. Ранее с Честюниным знаком не был, предварительной договоренности с другими осужденными о применении пыток к Ч. у него не было.

Зарукин в суде показал, что простыни готовил он, а не Ермаков и Коваленко. Мадасов пояснил, что он (Коваленко) не принимал участия в перемещении потерпевшего к окну. Суд не учел данные показания и необоснованно положил в основу приговора показания свидетеля Е., которые противоречат другим доказательствам.

В суде он пояснял, что выполнял указания Рязанцева, опасаясь за свое дальнейшее нахождение в камере. Находясь в таком состоянии, он поверил Рязанцеву, что тот лишь напугает Ч. электротоком. Зная, что от воздействия тока не наступит смерть, он вставил вилку в розетку.

В связи с оказанным на него психическим принуждением со стороны Рязанцева, суд при решении вопроса о его виновности должен был применить положения ст. ст. 39, 40 УК РФ.

Рассмотрев жалобу Судебная, коллегия не установила оказание психического принуждения Рязанцева на Коваленко, которое лишало его возможности руководить своими действиями.

Осужденные, хотя и давали показания о том, что Рязанцев являл-

ся неформальным лидером в камере, указания которого выполняли содержащиеся в ней лица, в то же время характер совершенных осужденными действий в отношении Ч. свидетельствует о том, что они имели возможность выбрать вариант поведения, могли свободно руководить своими действиями.

Подтверждением тому являются не только приведенные выше показания свидетелей, осужденных, но и тот факт, что в применении пыток к потерпевшему приняли участие не все содержащиеся в камере заключенные.

С учетом этих данных, а также того, что сохраняемое Коваленко и другими осужденными благо, как мотив их действий, явно не являлось большим, чем вред, причиненный ими потерпевшему, суд обоснованно признал их подлежащими уголовной ответственности, не усмотрев установленных ст. ст. 40 и 39 УК РФ обстоятельств, исключающих преступность содеянного ими.

Совершенные осужденными действия в отношении Ч. нанесение ему побоев, применение в отношении него изощренных способов воздействия на его организм, пытки, с целью причинения особых физических и психических страданий, которые фактически были причинены потерпевшему, что охватывалось умыслом всех исполнителей, правильно расценены судом как истязание.

Вопреки доводам жалобы осужденного Коваленко, принимая участие в удержании Ч. для связывания простынями, которые он приготовил, нанося удары потерпевшему по стопам скрученным антенным проводом, обмотанным скотчем, подключая к потерпевшему ток, он осознавал, что этими действиями потерпевшему причиняются особые физические и психические мучения и страдания¹.

---

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда

По существу, в рассмотренной ситуации скорее действовал для чтобы проявить себя перед неформальным лидером и действовал из низменных побуждений.

7) Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской установила следующее.

В кассационной жалобе осужденный Галка А.В. оспаривает правильность выводов суда по установлению фактических обстоятельств дела, квалификацию своих действий, а также справедливость назначенного наказания. Приводит доводы о том, что мотивом убийства продавца С. явились оскорбления с ее стороны. Указывает, что решил совершить хищение уже после того, как ударил С. ножом. Заявляет об отсутствии предварительного сговора на хищение, ссылается на собственные показания о том, что его жена, Галка А.А., не принимала участия в совершении преступления, ее показания противоречивы в связи с оказанием на нее давления в ходе следствия. Просит свои действия переквалифицировать на п. "г" ч. 2 ст. 161, ч. 1 ст. 105 УК РФ и смягчить наказание с его отбыванием в исправительной колонии строгого режима.

В кассационной жалобе осужденная Галка А.А. считает, что суд первой инстанции не принял во внимание причин, по которым она приняла участие в совершении преступления, не учитывал данные о личности мужа, который как ранее, так и в день совершения преступления, ее избивал. Указывает, что была вынуждена участвовать в совершении преступления, поскольку опасалась за свою жизнь и жизнь близких.

Проверив материалы уголовного дела, обсудив доводы кассационных жалоб и представления, Судебная коллегия находит приговор суда подлежащим изменению.

Виновность осужденного Галки А.В. в совершении разбоя, группой лиц по предварительному сговору, с применением предметов, используемых в качестве оружия, с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшей и убийстве С., сопряженном с разбоем; осужденной Галка А.А. в совершении разбоя, группой лиц по предварительному сговору, с применением предметов используемых в качестве оружия, подтверждена совокупностью исследованных и проверенных в судебном заседании доказательств, содержание и анализ которых приведены в приговоре.

Сам осужденный Галка А.В. не отрицал в суде наличия умысла на убийство и действий по лишению жизни С., не оспаривал содержания показаний в ходе предварительного следствия, где признавал, что в магазине нанес продавцу удары кулаками по лицу и ножом в область груди, причинив телесные повреждения от которых потерпевшая скончалась.

По заключению судебно-медицинской экспертизы смерть С. наступила в результате проникающего колото-резаного ранения передней поверхности грудной клетки слева с повреждением правого и левого легкого, сердечной сорочки, аорты, легочного ствола, левого главного бронха, пищевода с кровоизлияниями в мягких тканях по ходу раневых каналов без признаков реактивных явлений, осложнившегося острой кровопотерей (т. 1 л.д. 91 - 95).

Доводы кассационных жалоб осужденного Галки А.В. о том, что убийство продавца не было сопряжено с разбоем, его мотивом явилась, по существу, неприязнь, вызванная оскорблениями со стороны С., умысел на хищение возник после совершения убийства, при хищении отсутствовал предварительный сговор, поскольку Галка А.А. не принимала в нем участия, нельзя признать обоснованными.

В судебном заседании сама осужденная Галка А.А. подтвердила участие в хищении. Показала, что после того, как сообщила мужу об отсутствии в магазине хозяина, Галка А.В. сказал, что сам возьмет товар. Они вместе за-

шли в магазин, где она по указанию Галки А.В. собирала товары с витрин и прилавков в тот период, когда Галка А.В. удерживал продавца. Затем увидела у него в руках нож. С похищенным возвратились домой, там она смыла кровь с обуви Галки А.В., похищенное совместно продавали, деньги потратили.

Оценив исследованные доказательства в своей совокупности, суд первой инстанции правильно установил фактические обстоятельства дела, сделал правильный вывод о виновности осужденных в инкриминированных преступлениях. Из материалов дела следует, что осужденные вступили в сговор на хищение, Галка А.В. приискал нож, который намеревался применить при нападении, о чем рассказал Галка А.А. до его совершения. Последняя согласилась участвовать в нападении и выполнила отведенную ей роль. Убедилась и сообщила Галке А.В. о том, что в магазине, кроме продавца, никого нет. В ходе разбоя собирала товар с прилавков магазина. Галка А.В. в процессе нападения, используя нож, совершил убийство продавца С.

Несмотря на то, что сама Галка А.А. непосредственно не применяла насилия, опасного для жизни и здоровья, установленные судом фактические обстоятельства дела свидетельствуют о том, что в рамках предварительного сговора ее умыслом охватывалось применение Галкой А.В. оружия и такого насилия. Действия осужденных при нападении с применением насилия, опасного для жизни и здоровья и при распределении ролей, являлись, за исключением эксцесса исполнителя убийства, взаимообусловленными и взаимосогласованными.

Мотив совершенного Галкой А.В. убийства, сопряженного с разбоем, установлен верно.

Квалификация таких действий осужденной Галка А.А. по ч. 2 ст. 162 УК РФ и осужденного Галки А.В. по п. "в" ч. 4 ст. 162, п. "з" ч. 2 ст. 105 УК РФ, является правильной.

Доводы кассационной жалобы осужденной о том, что она опасна-

лась за свою жизнь, поскольку Галка А.В. избивал ее в период совместной жизни, ударил и принуждал к совершению преступления, не ставят под сомнение правильность выводов суда. Обстоятельств, исключających уголовную ответственность Галка А.А., предусмотренных ст. 40 УК РФ, либо смягчающих наказание, предусмотренных п. "е" ч. 1 ст. 61 УК РФ, не имеется. Заявления о применении насилия со стороны мужа за весь период совместного проживания не связаны с обвинением. По показаниям свидетеля Ш. именно Галка А.А. просила ее остаться с ребенком на период совершения преступления. Из материалов дела следует, что Галка А.А. приняла непосредственное участие в разбое, после его совершения скрывала следы преступления, совместно с Галкой А.В. сбывала похищенное. При допросах в ходе предварительного следствия Галка А.А. о принуждении мужем к совершению преступления путем применения насилия также не заявляла¹.

Суд дал справедливую оценку доводам осужденной о том, что насилие, которое применялось к ней до совершения преступления является физическим принуждением.

Рассмотрение и анализ приведенных решений Верховного Суда РФ показывает, что требования осужденных о применении в отношении них положений статьи 40 УК РФ являются либо совершенно надуманными, либо являются элементами при построении защиты, либо основываются на неправильном понимании механизма применения положений о физическом или психическом принуждении и т.п. Таким образом можно сделать вывод, что в правоприменительной деятельности судов Российской Федерации использование положений статьи 40 УК РФ не является широко распространенным.

---

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25 января 2010 г. № 45-009-142 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс: Судебная практика».

§ 2.2. Анализ регламентации физического или психического принуждения в уголовном законодательстве стран – бывших республик СССР

Вызывает интерес рассмотрение вопроса о регламентации физического или психического принуждения в уголовном законодательстве стран – бывших республик СССР. Целесообразность рассмотрения данного вопроса обусловлена тем обстоятельством, что уголовное законодательство бывших союзных республик строилось на базе единых Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 года. Поэтому уголовные законы советских республик отличались значительным единообразием. Однако после распада СССР законодатели всех постсоветских государств получили возможность самостоятельно определять уголовную политику и формировать национальное уголовное законодательства.

Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 года¹ не предусматривает физическое или психическое принуждение в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния. В УК Азербайджана совершение преступления под влиянием физического или психического принуждения рассматривается только как обстоятельство смягчающее наказание (статья 59).

Следует отметить, что целый ряд других государств пошли по этому пути, также не включив физическое или психическое принуждение в число обстоятельств, исключающих преступность деяния, но рассматривая его как обстоятельство, смягчающее наказание. Например, Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года (статья 63)²; Уголовный кодекс Кыргызской республики от 1 октября 1997 года (статья 54)³.

Здесь необходимо отдельно сказать о прибалтийских государствах, ко-

---

¹ http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353

² http://etalonline.by/?type=text&regnum=HK9900275#load_text_none_1

³ http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30222833

торые в вопросе формирования уголовного законодательства пошли по своему пути.

В Уголовном кодексе Латвийской Республики от 8 июля 1998 года¹ говорится об обстоятельствах, исключающих уголовную ответственность, при этом физическое или психическое принуждение в их число не входит. Однако, в числе обстоятельств, смягчающих ответственность, говорится о совершении преступления под влиянием насилия (ст.59 УК Латвии), без указания его характера. В данном случае мы видим отличие терминологического характера – речь идет не о принуждении, а о насилии. По нашему мнению, термин «насилие» является более широким по своему содержанию.

Уголовный кодекс Литовской Республики от 26 сентября 2000 года² подобно УК Латвии содержит в себе положения об обстоятельствах, исключающих ответственность. И, хотя перечни обстоятельств в них не совпадают литовский законодатель также не выделяет физическое или психическое принуждение. В числе же обстоятельств, смягчающих наказание он называет совершение преступления под влиянием психического или физического насилия (статья 59).

Особенностью Уголовного кодекса Эстонской Республики от 26 июля 2001 года³ является отсутствие в нем норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния или ответственность. А в числе обстоятельств, смягчающих наказание, говорится только о совершении преступления под влиянием насилия (статья 37), без указания его характера. Представляется, что эстонский законодатель в этом случае имеет в виду не только физическое, но и психическое насилие.

Таким образом, уголовное законодательство прибалтийских государств не выделяет физическое или психическое принуждение в качестве обстоя-

---

¹ http://www.pravo.lv/likumi/07_uz.html

² <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243877>

³ <http://www.crime.vl.ru/index.php?p=1332&more=1>

тельства, исключая ответственность. При этом эстонское законодательство институт обстоятельств, исключая преступность деяния, вообще не регламентирует. В качестве же обстоятельства смягчающего наказание прибалтийские законодатели оперируют термином «насилие».

Другую группу постсоветских государств составляют страны, уголовное законодательство которых, предусматривает одновременно и физическое или психическое принуждение в рамках соответствующего законоположения в качестве обстоятельства, исключая преступность деяния. Здесь следует назвать:

▼ Уголовный кодекс Республики Армения от 30 декабря 2008 года: «Не признается преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам под воздействием физического или психического принуждения, если вследствие этого лицо не могло руководить своими действиями (бездействием)» (часть 1 статьи 45)¹;

▼ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 9 июля 2014 года: «Не является уголовным правонарушением причинение вреда охраняемым настоящим Кодексом интересам в результате физического или психического принуждения, если вследствие такого принуждения лицо не могло руководить своими действиями (бездействием)» (часть 1 статьи 37)²;

▼ Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 года: «Не является преступлением деяние, предусмотренное уголовным законом, причинившее ущерб охраняемым законом интересам в результате физического или психического принуждения, если вследствие такого принуждения лицо не могло руководить своими действиями» (часть 1 статьи 39)³;

▼ Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года: «Не является преступлением причинение вреда охраняемым настоящим Ко-

---

¹ <http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1349&lang=rus&sel=show#>

² <http://medialaw.asia/posts/09-07-2014/83277.html>

³ http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923

дексом интересам в результате физического или психического принуждения, если вследствие такого принуждения лицо не могло руководить своими действиями (бездействием)» (часть 1 статьи 43)¹;

▼ Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июля 1997 года» «Не является преступлением действие (бездействие) лица, причинившего вред правоохраняемым интересам в результате физического или психического принуждения, если вследствие такого принуждения оно не могло руководить своими поступками» (часть 1 статьи 40)².

Подобное решение вопроса представляется нам более правильным по сравнению с частью 1 статьи 40 УК РФ, в которой говорится только о физическом принуждении, но не о психическом. И вопрос о психическом принуждении, как обстоятельстве, исключающем преступность деяния, решается по специальным правилам части 2 УК РФ.

Аналогично российскому регламентируется вопрос о физическом или психическом принуждении и в украинском уголовном законодательстве. Так, в соответствии со статьей 40 Уголовного кодекса Украины от 5 апреля 2001 года³:

«1. Не является преступлением действие или бездействие лица, причинившего вред охраняемым интересам, совершенное под непосредственным воздействием физического принуждения, вследствие которого лицо не могло руководить своими поступками.

2. Вопрос об уголовной ответственности лица за причинение вреда охраняемым интересам, если это лицо понесло физического принуждения, вследствие которого она сохраняла возможность управлять своими действиями, а также психического принуждения, решается в соответствии с положениями статьи 39 настоящего Кодекса».

---

¹ http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325

² http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286

³ <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2341-14>

Отдельно следует выделить страны, где вопрос о физическом или психическом принуждении решен «не типично».

Например, в абзаце 5 статьи 38 «Крайняя необходимость» Уголовного кодекса Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года¹ указывается: «Вопрос об ответственности за причинение вреда правам и охраняемым законом интересам в результате физического или психического принуждения решается с учетом положений настоящей статьи». Законодатель Узбекистана в целом признавая возможность физического или психического принуждения как обстоятельств, исключающих преступность деяния, фактически рассматривает их как проявление крайней необходимости. При этом не затрагивается такой аспект, как «непреодолимость» принуждения, т.е. когда лицо не могло руководить своими действиями (бездействием).

Наиболее интересной представляется позиция грузинского законодательства. Следует отметить, что Уголовный кодекс Грузии от 22 июля 1999 года² по целому ряду вопросов регламентации «стоит особняком» среди уголовных кодексов других постсоветских государств.

УК Грузии содержит Главу VIII «Обстоятельства, исключающие противоправность деяния» в которой содержатся традиционные уголовно-правовые понятия – необходимая оборона; задержание лица, совершившего преступление; крайняя необходимость. Специфика же заключается в том, что перечень обстоятельств в УК Грузии фактически является открытым. Статья 32 «Освобождение от уголовной ответственности при других правомерных деяниях» гласит: «Не являются противоправными действия лица, совершившего предусмотренное настоящим Кодексом деяние при наличии иных обстоятельств, которые хотя в настоящем Кодексе прямо не упоминаются, но вполне удовлетворяют условия правомерности этого деяния». Следова-

---

¹ http://www.lex.uz/pages/getact.aspx?lact_id=111457

² <http://matsne.gov.ge/ka/document/download/16426/143/ru/pdf>

тельно, допустимо предположить, что совершение преступления под влиянием (в результате) физического или психического принуждения может быть признано, обстоятельством, освобождающим от уголовной ответственности (исключающим противоправность деяния).

Сравнительный анализ уголовных кодексов стран постсоветского пространства показал, что вопрос об отнесении физического или психического принуждения к числу обстоятельств, исключающих преступность деяния, решается разнонаправленно:

А) уголовные законы в которых относят физическое или психическое принуждение относится к числу обстоятельств, исключающих преступность деяния (УК РФ, Армении, Казахстана, Молдовы, Таджикистана, Туркменистана, Украины);

Б) уголовный закон в которых физическое или психическое принуждение рассматривается как специфическое проявление крайней необходимости (УК Узбекистана);

В) уголовный закон в котором фактически допускается отнесение физического или психического принуждения к числу обстоятельств, исключающих преступность деяния, поскольку перечень указанных обстоятельств является открытым (УК Грузии).

Г) уголовные законы в которых физическое или психическое принуждение не относится к числу обстоятельств, исключающих преступность деяния, а рассматривается как одно из обстоятельств, смягчающих наказание (УК Азербайджана, Беларуси, Кыргызстана). В целом аналогичный подход содержится в уголовном законодательстве прибалтийских государств (УК Латвии, Литвы, Эстонии).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги проведенного исследования представляется необходимым сформулировать следующие выводы.

1) Сформулировано определение понятия физического или психического принуждения как обстоятельства, исключающего преступность деяния. Так, физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния, как насильственное воздействие насильственного характера на лицо, которое имеет своей непосредственной целью совершение указанным лицом деяния, содержащего признаки состава преступления вопреки его воле, лишая причинителя вреда свободы выбора собственного поведения.

2) Сформулированы критерии правомерности вреда, причиненного под влиянием физического или психического принуждения. К их числу относятся:

А) Общественная опасность принуждения;

Б) Наличие принуждения, которая характеризует временные рамки принуждения – от фактического начала принуждения до момента его полного прекращения;

В) Действительность (реальность) принуждения;

3) Рассмотрение и анализ решений Верховного Суда РФ показывает, что требования осужденных о применении в отношении них положений статьи 40 УК РФ являются либо совершенно надуманными, либо является элементами при построении защиты, либо основываются на неправильном понимании механизма применения положений о физическом или психическом принуждении и т.п. Таким образом можно заключить, что в правоприменительной деятельности судов Российской Федерации использование положений статьи 40 УК РФ не является распространенным. Кроме этого, как прямо отмечают некоторые региональные суды в их практике физическое или пси-

хическое принуждение как обстоятельство исключающее преступность деяния не применяется (например, Красноярский краевой суд).

4) Сравнительный анализ уголовных кодексов стран постсоветского пространства показал, что вопрос об отнесении физического или психического принуждения к числу обстоятельств, исключающих преступность деяния, решается разнонаправленно:

А) уголовные законы в которых относят физическое или психическое принуждение относится к числу обстоятельств, исключающих преступность деяния (УК РФ, Армении, Казахстана, Молдовы, Таджикистана, Туркменистана, Украины);

Б) уголовный закон в которых физическое или психическое принуждение рассматривается как специфическое проявление крайней необходимости (УК Узбекистана);

В) уголовный закон в котором фактически допускается отнесение физического или психического принуждения к числу обстоятельств, исключающих преступность деяния, поскольку перечень указанных обстоятельств является открытым (УК Грузии).

Г) уголовные законы в которых физическое или психическое принуждение не относится к числу обстоятельств, исключающих преступность деяния, а рассматривается как одно из обстоятельств, смягчающих наказание (УК Азербайджана, Беларуси, Кыргызстана). В целом аналогичный подход содержится в уголовном законодательстве прибалтийских государств (УК Латвии, Литвы, Эстонии).

В заключение необходимо отметить, что, по нашему мнению, для успешного применения понятия физического или психического принуждения как обстоятельства, исключающего преступность деяние, в правоохранительной деятельности Верховному Суду РФ следует дать разъяснения в постановлении Пленума. Это целесообразно сделать не только применительно

к физическому или психическому принуждению, но и к другим обстоятельствам, исключающим преступность деяния, поскольку в настоящее время разъяснения даны только применительно к необходимой обороне и причинению вреда при задержании лица, совершившего преступление. Позитивную роль также бы сыграла подготовка Верховным Судом РФ обзора судебной практики применения положений о применении обстоятельств, исключающих преступность деяния.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации. Принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 года // Российская газета. 2009. 21 января.
2. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (с изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс: Законодательство».

2. Нормативные правовые акты зарубежных стран

3. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 года // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353
4. Уголовный кодекс Республики Армения от 30 декабря 2008 года // <http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1349&lang=rus&sel=show#>
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года // http://etalonline.by/?type=text&regnum=НК9900275#load_text_none_1
6. Уголовный кодекс Грузии от 22 июля 1999 года // <http://matsne.gov.ge/ka/document/download/16426/143/ru/pdf>
7. Уголовный кодекс Латвийской Республики от 8 июля 1998 года // http://www.pravo.lv/likumi/07_uz.html
8. Уголовный кодекс Литовской Республики от 26 сентября 2000 года // <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243877>
9. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 1 октября 1997 года // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30222833
10. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 9 июля 2014 года // <http://medialaw.asia/posts/09-07-2014/83277.html>

11. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 года // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923
12. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325
13. Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001 года // <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2341-14>
14. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года // http://www.lex.uz/pages/getact.aspx?lact_id=111457
15. Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июля 1997 года // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286
16. Уголовный кодекс Эстонской Республики от 26 июня 2001 года // <http://www.crime.vl.ru/index.php?p=1332&more=1>

3. Материалы судебной практики

17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 года № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс: Судебная практика».
18. Апелляционное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ по уголовным делам от 14 июля 2016 г. № 48-АПУ16-22 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс: Судебная практика».
19. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23 июня 2016 г. № 66-АПУ16-13 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс: Судебная практика».

20. Апелляционное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ по уголовным делам от 15 января 2016 года по делу № 11-АПУ15-35 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс: Судебная практика».
21. Апелляционное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ по уголовным делам от 23 июня 2015 г. № 49-АПУ15-20 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс: Судебная практика».
22. Кассационное определение от 6 февраля 2012 г. № 30-О12-1 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс: Судебная практика».
23. Кассационное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ по уголовным делам от 26 января 2011 г. № 42-О10-14 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс: Судебная практика».
24. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25 января 2010 г. № 45-009-142 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс: Судебная практика».
25. Обобщение Красноярского краевого суда от 22 декабря 2011 года «Обобщение практики применения судами Красноярского края норм о необходимой обороне и иных обстоятельствах, исключающих преступность деяния (статьи 37 - 42 УК РФ), по делам, рассмотренным в 2009 - первом полугодии 2011 года». // Справочная- правовая система «КонсультантПлюс: Судебная практика».

4. Научная и учебная литературы

26. Блинков В.А. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в уголовном праве России. М.: Юрлитинформ, 2014. С.149-174.
27. Борисова О.В. Уголовно-правовое значение шантажа // СПС «КонсультантПлюс: Комментарии законодательства», 2017.

28. Веселов Е.Г. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. С.5.
29. Гарбатович Д.А. Преодолимое психическое принуждение (ч.2 ст.40 УК РФ) // Российский судья. 2017. № 7. С.42-45.
30. Гертель Е. Разграничение понятий "насилие" и "принуждение" в уголовном праве // Уголовное право. 2010. № 5. С.17-19.
31. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М., 1998. С.431.
32. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1998. С.468.
33. Девятовская С.В. Физическое или психическое принуждение в российском уголовном законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011. С.8.
34. Дмитренко А.П. Институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном праве России: основы теории, законодательной регламентации и правоприменения: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2010. С.27.
35. Дорогин Д.А. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. М.: Юрлитинформ, 2013. 624с.
36. Зарипов В.Г. Физическое и психическое принуждение в уголовном праве: понятие, виды, ответственность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С.7.
37. Жордания И.Ш. Структура и правовое значение способа совершения преступления. Тбилиси, 1977. С.102.
38. Калугин В.В. Физическое и психическое принуждение в уголовном праве. Ставрополь, 2001. С.17.

39. Калугин В. В. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С.36-39.
40. Кибальник А.Г. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. М., 2009. С.34-36.
41. Кобозева Т.Ю. Принуждение как уголовно-правовая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С.9.
42. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2001. С.94.
43. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Г.А. Есаков и др.; под ред. Г.А. Есакова. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2017. С.145.
44. Куманяева Е.А. Принуждение в уголовном праве России: автореф. дис. .... канд. юрид. наук. М., 2012. С.8,11.
45. Куманяева Е.А. Принуждение в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С.11.
46. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1999. С.231.
47. Луценко Е.Г. Гипноз как способ психического принуждения // Российский криминологический взгляд. 2007. № 2. С.193-194 ;
48. Луценко Е.Г., Теслицкий И. В. Преодолимость психического принуждения и уголовная ответственность // Общество и право. 2010. № 1. С.151-153.
49. Мизина О.В. Уголовно-правовая оценка принуждения в системе обстоятельств, исключающих преступность деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток. 2009. С.10.
50. Ойстер И. Психология страха. М., 1999. С. 14-16.

51. Орешкина Т.Ю. Глава Уголовного кодекса РФ об обстоятельствах, исключающих преступность деяния: проблемы формирования // *Lex russica*. 2017. № 6. С.101-115.
52. Орешкина Т.Ю. Источники непреодолимой силы: уголовно-правовая характеристика // *Судья*. 2017. № 8. С.37-40.
53. Орешкина Т.Ю. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: дискуссионные вопросы общего характера // *Уголовное право*. 2016. № 4. С.66-76.
54. Орешкина Т.Ю. Система обстоятельств, исключающих преступность деяния // *Lex russica*. 2015. № 3. С.73-85.
55. Орешкина Т. Физическое или психическое или принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния // *Уголовное право*. 2000. № 1. С.34.
56. Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. С.139-143.
57. Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М, 1997. С. 255.
58. Российское уголовное право: в 2 т. Т.1. Общая часть: учебник / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. М.: Проспект, 2017. С.341-344.
59. Савинов А.В. Причинение вреда в результате физического или психического принуждения // *Справочная правовая система «Консультант-Плюс: Комментарии законодательства»*, 2013.
60. Сердюк Л. В. Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки следователем. Волгоград, 1981. С. 11.
61. Сидоров Б.В. Аффект его уголовно-правовое и криминологическое значение. Казань, 1978. С. 23.

62. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть/ под ред. Б.В. Здравомыслова. М., 1999. С. 311.
63. Уголовное право России. Общая часть / отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 1999. С. 295.
64. Уголовное право России. Практический курс. 4-е изд./подред. А.В. Наумова. М., 2010. С. 179-180.
65. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. В.П. Ревина. М.: Юстицинформ. 2016. С.228.
66. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. Ф.Р. Сундурова, И.А. Тарханова. М.: Статут, 2016. С.331.
67. Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве. СПб., 2001. С. 25-30.
68. Якушин В.А. Ошибка и ее уголовно-правовое значение. Казань, 1988. С.35.